

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Антюхин Е.Н. Институциональная роль диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации // Социодинамика. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.8.75796 EDN: ZWICQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75796

Институциональная роль диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации

Антюхин Егор Николаевич

ORCID: 0009-0007-0971-9344

аспирант; кафедра общественных связей и медиаполитики; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 84

✉ egorantyuhin@mail.ru

[Статья из рубрики "Миграция и адаптация"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.8.75796

EDN:

ZWICQE

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2025

Дата публикации:

14-09-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает армянская диаспора как транснациональный социальный институт, реализующий влияние на миграционные системы и социально-политическую среду в двух контрастных национальных контекстах – Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки. Цель исследования – выявить специфику трансформации диаспоры в субъекта миграционной политики в зависимости от национального контекста принимающего общества. Особое внимание уделяется анализу институциональных механизмов, посредством которых диаспора воздействует на политику принимающих государств: в США – через легализованное лоббирование, участие в выборах и культурную интеграцию; в России – преимущественно через экономические, социальные и культурные практики, при ограниченном доступе к

формальным политическим институтам. Рассматриваются исторические предпосылки формирования диаспоры в обеих странах, её организационные структуры (АНКА, ААА, САР), стратегии взаимодействия с властью, а также роль в поддержке связей с исторической родиной – Республикой Армения. Анализ позволяет выявить, как национальные особенности политической системы, законодательства и общественного устройства определяют степень и формы влияния этнической общины на миграционную повестку. Исследование основано на сочетании институционального, компаративного и историко-генетического подходов. Используются методы анализа вторичных источников: официальных документов диаспоральных организаций, нормативно-правовых актов, демографических данных и академических публикаций по теории диаспор и миграционной политике. Научная новизна работы заключается в системном сравнительном анализе армянской диаспоры как институционального актора в двух принципиально разных политических системах – либеральной демократии США и централизованной модели РФ. Впервые показано, что эффективность диаспоры как субъекта миграционной политики определяется не столько её численностью или экономическим потенциалом, сколько наличием легитимных институциональных каналов влияния, степенью внутренней консолидации и историческим контекстом формирования. Установлено, что американская модель, несмотря на фрагментированность, демонстрирует высокую эффективность благодаря легализованному лоббированию и электоральной вовлечённости, тогда как российская модель, несмотря на численное превосходство, ограничена в федеральном влиянии и реализует цели преимущественно через косвенные, социально-экономические механизмы. Полученные результаты формируют теоретико-методологическую основу для анализа других диаспор в разных национальных контекстах и позволяют прогнозировать их потенциал как акторов в сфере миграционного управления.

Ключевые слова:

армянская диаспора, миграционная политика, транснациональные связи, диаспоры России, Соединенные Штаты, миграционные процессы, социальные институты, лоббизм, интеграция мигрантов, политическое влияние

Введение

Миграционные процессы являются одной из ключевых характеристик современного глобализованного мира, оказывая влияние на социально-экономическое и политическое развитие государств. В условиях роста мобильности населения особую роль играют этнические диаспоры, выступающие связующим звеном между странами исхода и принимающими обществами. Армянская диаспора, обладающая многовековой историей и высокой степенью организованности, служит ярким примером того, как этнические общины могут влиять на миграционные системы, экономику и культуру принимающих стран.

На территории России интенсивность процессов диаспоризации особенно возросла в XIX–XX веках. Это было обусловлено чередой крупных политических событий, вызвавших масштабные перемещения населения как внутри страны, так и в сопредельных государствах. Среди них — отмена крепостного права, переход от аграрной экономики к индустриальной, Первая и Вторая мировые войны, Гражданская война, масштабные стройки советского периода, а также принудительные депортации и ссылки. Эти события существенно изменили этническую структуру населения страны.

США на протяжении всей своей истории оставались центром миграционного притяжения, пережив несколько крупных волн иммиграции. Каждая из них — под влиянием внешних (политических и социальных потрясений) и внутренних факторов (например, Закона об иммиграции 1924 года и Закона об иммиграции и гражданстве 1965 года) — отличалась по национальному составу и способствовала формированию на территории страны разнообразных по языку, культуре и происхождению общин.

Российская Федерация и Соединённые Штаты Америки — два крупнейших центра концентрации армянской диаспоры, что обусловлено историческими, экономическими и политическими факторами. В России армянская община сформировалась в результате многовековых связей между двумя народами, усилившихся в советский период и после распада СССР. В США диаспора возникла преимущественно в результате вынужденной миграции после Геноцида армян 1915 года. Несмотря на различия в историческом контексте, в обеих странах армянская диаспора играет значительную роль в экономической, культурной и политической жизни, способствуя интеграции мигрантов и укреплению транснациональных связей. Цель статьи — выявить и сравнить институциональные механизмы влияния армянской диаспоры на миграционные системы и социально-политическую среду в РФ и США. Задача исследования — показать, как диаспора как социальный институт воздействует на миграционную политику и другие сферы общественной жизни.

Актуальность исследования определяется необходимостью социологического анализа транснационального потенциала диаспоры как институционального актора, чья эффективность в миграционной, политической и культурной сферах зависит от национального контекста принимающего общества. Сравнение организационных структур и стратегий влияния армянских общин в РФ и США позволяет не только выявить специфику их интеграции и лоббистской активности, но и определить условия, при которых диаспора становится полноценным субъектом социально-политического взаимодействия, способным формировать повестку и влиять на межгосударственные отношения.

Методология исследования

Исследование основано на сочетании институционального, компаративного и историко-генетического подходов, что позволяет системно проанализировать структуру, эволюцию и политическую активность армянской диаспоры в двух странах — США и России. Институциональный подход позволяет рассматривать диаспоральные структуры как устойчивые социальные институты, встроенные в социальные и политические системы принимающих стран и обладающие формализованными инструментами влияния на них, а сравнительный анализ кейсов двух стран выявляет контекстуально обусловленные различия в стратегиях воздействия на миграционную политику принимающих государств и организационных структурах диаспор. Историко-генетический метод позволяет проследить трансформацию диаспоральных сообществ — от травматического опыта Геноцида 1915 года и советских миграционных потоков до современных институционализированных форм, что позволяет интерпретировать текущие практики как результат длительной исторической эволюции.

Эмпирическая база опирается на вторичные источники: официальные документы ключевых диаспоральных организаций (ANCA, AAA, CAP), нормативно-правовые акты в сфере миграционного регулирования, демографические данные и академические публикации по теории диаспор.

Теоретические аспекты понятия «диаспора»

Необходимо начать с теоретического определения понятия «диаспора». Несмотря на его широкое употребление, чёткая дефиниция остаётся предметом научных дискуссий. Первоначально термин обозначал расселение еврейского народа за пределами Израиля, однако со временем его значение расширилось и перестало ассоциироваться исключительно с еврейским народом. В современном научном дискурсе он применяется к любым общинам соотечественников, проживающих за пределами своей страны.

В научной литературе принято различать «классические» (или «исторические») и «современные» диаспоры [1]. Критерии дифференциации варьируются, но наиболее распространённым является наличие устойчивых связей со страной исхода. Если диаспора сохраняет контакты с исторической родиной, обладает собственными социальными институтами и организационными структурами, её относят к историческим. В противном случае — к современным.

Стоит отметить, что в советский период научные исследования в этой сфере почти не проводились, и термин «диаспора» не использовался. Это было связано с тем, что в СССР пропагандировали идеи интернационализма и «дружбы народов», что исключало выделение отдельных национальных групп внутри советского общества, несмотря на поддержку их национальной и культурной самобытности. По этой причине работы советского периода вместо «диаспоры» оперируют определениями «этнос», «национальность», «народность» и т. д. Например, Гумилев Л. Н. рассматривал этнос как социо-биологическую единицу, без универсальных внешних признаков [2, с. 52]. Представляют научный интерес труды Бромлея Ю. В., в которых вводится термин «этникос», для которого наличие экономических и политических связей или места проживания не является необходимым условием; ключевыми остаются исключительно этнические характеристики [3]. Их труды легли в основу теоретической базы этнического подхода в рассмотрении диаспор, так же, как и труды Дятлова В. И. [4], Ли Квангю [5] и других ученых. В трудах Тишкова В. А., напротив, делается акцент на осознанном выборе идентичности и важности для диаспоры страны происхождения, «Родины», как фактора, без которого диаспора не может существовать [6]. Также вопросами транснационального влияния, роли страны происхождения и сетей диаспор занимался Шеффер Г. [7].

Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова определяют диаспору как стабильную группу людей общего этнического происхождения, проживающих среди представителей других этносов за пределами своей исторической родины и обладающих социальными институтами для поддержания и развития своей общности [8]. Согласно этому определению, диаспора характеризуется четырьмя ключевыми признаками: проживание вне границ родного государства или исторического ареала расселения; сохранение культурной самобытности и образа жизни; наличие организованной формы общности; наличие лидера или группы лидеров. Отсутствие любого из этих признаков исключает возможность признания такой социальной группы диаспорой. Таким образом, данная позиция демонстрирует признаки институционального подхода, в рамках которого объединены элементы предыдущих подходов, а также важность наличия у диаспор форм самоорганизованности. В рамках институционализма также писал Арутюнов С. А., который рассматривал диаспоры как процесс развития недияспоральных общностей людей во что-то большее, чем диаспора [9].

Итак, в современной социологии межнациональных отношений под диаспорой понимается группа людей, связанных общей культурной, традиционной и жизненной идентичностью, которая проживает вне своей исторической родины по объективным причинам. Ключевым условием существования диаспоры является её постоянная связь с исходной страной.

В рамках данной статьи будет использоваться институциональный подход и под диаспорой пониматься устойчивая этническая или культурная общность людей, проживающих за пределами своей исторической родины, но сохраняющих связь с ней через культурные, социальные, экономические и политические отношения при помощи самостоятельно образованных социальных институтов.

Армянская диаспора в США

Влияние армянской диаспоры на миграционную сферу в США осуществляется через прямые и косвенные механизмы. К прямым относятся лоббирование и другие формы воздействия, непосредственно ведущие к изменению миграционного законодательства или характера миграционных потоков в интересах диаспоры. Косвенные механизмы включают меры, повышающие осведомлённость о проблемах диаспоры и способствующие укреплению отношений между США и Арменией, что, в свою очередь, усиливает культурные, социальные, экономические и политические связи между странами.

Армянская диаспора в США отличается внутренней фрагментированностью. Значительная часть армян прибыла в страну не напрямую из Армении, а из государств с крупными армянскими меньшинствами — России, Сирии, Ливана. Опыт адаптации в иных культурных средах облегчил их интеграцию в американское общество по сравнению с прямыми переселенцами из Армении [\[10\]](#). Диаспора успешно вписалась в мультикультурную среду США, чему способствовала принадлежность к христианству — доминирующей конфессии в стране. Армяне внесли значительный вклад в культурную жизнь Америки: такие фигуры, как Ким Кардашян, Андре Агасси, Кирк Керкорян и Шер, достигли успеха и использовали его для продвижения армянских инициатив — от оказания гуманитарной помощи Армении до признания геноцида армянского народа в 1915 году. То, что знаменитости с большой аудиторией публично обсуждают армянские вопросы, способствует, как минимум, широкому осознанию армянских проблем, а как максимум — помогает их решению.

В США армянская диаспора институционализовала механизмы влияния, заняв значимое место в системе общественных и политических отношений. Особенности американской электоральной системы предоставляют её представителям возможности для участия в принятии решений на федеральном, региональном и местном уровнях. В результате американская армянская диаспора стала ключевым элементом глобального армянского лобби, оказывая влияние на международную повестку и укрепляя позиции армянского народа в мире [\[11\]](#).

Сохранение армянской культуры и идентичности в США обеспечивается деятельностью лоббистских структур, главными из которых являются Армянский национальный комитет Америки (ANCA) и Армянская ассамблея Америки (AAA). ANCA, связанный с партией «Дашнакцутюн», традиционно выступавшей за независимость Армении и занимавшей антисоветскую позицию, продолжает поддерживать идею единой и свободной Армении. В годы холодной войны ANCA и схожие организации укрепили свои позиции благодаря антисоветской риторике. AAA, не связанная с «Дашнакцутюн», проявляла большую

лояльность к Советской Армении вплоть до обретения ею независимости, придерживаясь более мягкой и конструктивной линии.

Цели AAA ориентированы на согласование интересов армяно-американских сообществ с внешнеполитическими приоритетами США, тогда как ANCA фокусируется на защите интересов армян, включая поддержку объединения исторических армянских территорий, что противоречит стратегическим интересам США [\[12\]](#). Эти различия иллюстрируют динамику взаимодействия дашнакских и недашнакских организаций в рамках диаспоры.

Согласно данным ANCA, организация поддерживает контакты более чем с 300 конгрессменами и сенаторами, что позволяет эффективно продвигать законодательные инициативы. Возможность официального лоббирования в США значительно облегчает деятельность армянских организаций [\[13\]](#). В частности, их усилия привели к официальному признанию Геноцида армян Палатой представителей в 2019 году (резолюция H.Res.296): за документ проголосовали 405 конгрессменов при 11 против. Это стало результатом многолетней работы лоббистских сетей, направивших более 1,5 миллиона писем и около 200 тысяч звонков конгрессменам от имени американцев армянского происхождения. Деятельность организаций демонстрирует высокий уровень координации и мобилизации ресурсов для достижения политических целей.

Они также непосредственно помогают армянам, желающим или вынужденным переехать из стран исхода. Благодаря усилиям диаспоры удалось увеличить квоты на въезд из стран Восточного полушария (включая Армению). Оказывалась гуманитарная и финансовая помощь жертвам землетрясения 1988 года, а беженцы часто принимались вне установленных квот [\[14\]](#). Организации также лоббируют изменения в миграционной политике, акцентируя внимание на положении армян за рубежом. Например, ANCA добивается исключения армян, проживающих в ряде исламских стран, из списков, ограничивающих въезд в США (по данным самой ANCA).

На региональном уровне влияние диаспоры проявляется через участие в местных выборах и взаимодействие с властями штатов. В Калифорнии, где проживает около 500 тысяч армян (примерно 40% всей диаспоры США), диаспоральные организации способствовали принятию законов, поддерживающих права меньшинств и укрепляющих связи с Арменией. С 2015 по 2020 год армянские группы вложили более \$5 млн в избирательные кампании, обеспечивая лояльность избранных чиновников. В Лос-Анджелесе, крупнейшем центре армянской общины в США, более 15% городского совета имеют армянские корни, что усиливает влияние диаспоры на муниципальном уровне. Численность армянского населения в городе уступает лишь Еревану [\[15\]](#). Благодаря компактному расселению относительно небольшая по общему размеру диаспора добилась значительного влияния в отдельных городах [\[16\]](#). Такое сочетание федерального и регионального воздействия делает армянские организации одной из самых организованных и эффективных этнических групп в американской политике.

Таким образом, несмотря на внутреннюю фрагментированность, армянская диаспора в США представляет собой высоко организованную и политически активную группу, эффективно использующую как прямые (лоббирование, участие в выборах), так и косвенные (культурное влияние, медийность) механизмы для продвижения своих интересов. Через институционализированные структуры, такие как ANCA и AAA, диаспора оказывает существенное влияние на миграционную политику, внешнеполитическую повестку и общественное восприятие армянских проблем, демонстрируя глубокую интеграцию в американскую политическую систему и успешную мобилизацию ресурсов

на всех уровнях.

Армянская диаспора в Российской Федерации

Сегодня крупнейшими диаспорами в России являются армянская, украинская, узбекская, таджикская, казахская и азербайджанская — каждая насчитывает более 500 тысяч человек. Их численность нестабильна и зависит от политической, экономической и социальной ситуации.

Хотя следы присутствия армян на территории России прослеживаются ещё с X–XI веков [\[17, с. 14\]](#), основной поток мигрантов пришёлся на советский период. Ещё одна волна была вызвана распадом СССР в 1991 году, повлёкшим экономические и социальные потрясения во всех республиках. На фоне роста напряжённости и падения доходов Россия стала наиболее очевидным местом для переезда.

Численность армянской общины в России оценивается примерно в один миллион человек [\[18\]](#). Население Армении на начало 2024 года — около 3 миллионов. Более 10 миллионов армян проживают в диаспоре по всему миру, многие из них — потомки жертв Геноцида. По мнению ряда исследователей, армянская диаспора — один из важнейших субъектов социально-экономических процессов в России [\[19\]](#). Она также характеризуется высокой групповой сплочённостью, что подтверждается её членами [\[20\]](#).

В современной России потенциал национальных общественных объединений ограничен по сравнению с США, где такие структуры имеют больше возможностей благодаря легальному лоббированию. В РФ наиболее значимой организацией является Союз армян России (САР) — структура с региональными отделениями, охватывающими большинство субъектов федерации.

Деятельность САР охватывает пять ключевых направлений. Первое — сохранение культурно-этнической идентичности через образовательные программы, культурные мероприятия и поддержку этнокультурных организаций, направленных на сохранение языка, традиций и исторического наследия. Второе — социальная поддержка: юридическая и медицинская помощь, содействие в трудоустройстве, программы для социально уязвимых групп (молодёжь, ветераны, беженцы). Третье — транснациональное сотрудничество: финансовая и гуманитарная поддержка Армении для развития её экономики и социальной сферы. Четвёртое — укрепление российско-армянского партнёрства через участие в дипломатических инициативах, развитие экономических связей и культурного обмена. Пятое — повышение участия российских армян в социально-экономическом и политическом развитии страны через вовлечение в государственные проекты.

Кроме того, членство Армении в ЕАЭС создаёт дополнительные возможности для диаспоры. Безвизовый въезд и свобода трудоустройства без квот и разрешений поддерживают стабильно высокий поток армян в Россию (по данным аналитического брифа по миграционному сотрудничеству Армении с ЕС и ЕАЭС). Интересы армянской диаспоры сыграли не последнюю роль во вступлении Армении в этот союз, поскольку она заинтересована в сохранении связей с исторической родиной.

В продвижении интересов диаспоры важную роль играют известные и состоятельные деятели. В российском Forbes представлены девять бизнесменов армянского происхождения, активно инвестирующих в обе страны, создавая рабочие места и укрепляя положительный имидж двустороннего взаимодействия.

Армянская диаспора в США и России проявляет различную степень влияния, обусловленную историческими, политическими и социально-культурными контекстами. В США диаспора отличается высокой организованностью, представленной мощными лоббистскими структурами — ANCA и AAA, эффективно взаимодействующими с законодательной и исполнительной властью. Значительное участие в культурной, экономической и политической жизни, а также успешная интеграция усиливают её влияние, особенно в вопросах признания Геноцида и поддержки Армении. Однако внутренние разногласия и ограниченное влияние на внешнюю политику США, противоречащую национальным интересам, снижают её эффективность.

В России армянская диаспора, несмотря на большую численность, активнее участвует в экономической сфере, используя историческую близость и культурную общность с Арменией, а также поддержку властей в армяно-российских и карабахских вопросах. Однако CAP не обладает влиянием, сопоставимым с ANCA и AAA в США, что ограничивает лоббирование на федеральном уровне. Низкая вовлечённость молодёжи и недостаточное использование потенциала диаспоры для укрепления двусторонних связей также остаются серьёзными вызовами.

Сравнение выявляет существенные различия в организационной структуре и механизмах влияния. Американская диаспора, обладая централизованными структурами, эффективно лоббирует свои интересы, но сталкивается с внутренними конфликтами и ограничениями внешнеполитического курса США. Российская диаспора, несмотря на численность и историческую близость, ограничена в федеральном влиянии, но успешно реализует цели через косвенные механизмы.

Таким образом, армянская диаспора в России влияет на миграционную политику преимущественно косвенными способами, в отличие от высокоинституционализированной диаспоры США. Координационную роль играет CAP, сосредоточенный на сохранении идентичности, социальной поддержке и укреплении российско-армянских связей. Вступление Армении в ЕАЭС упростило миграционные процедуры для армян, однако ограниченные возможности официального лоббирования и низкая активность молодёжи препятствуют превращению диаспоры в полноценного субъекта миграционной политики на федеральном уровне.

Заключение

Исследование показывает, что диаспора функционирует как социально организованный институт, чья эффективность как субъекта миграционной политики существенно зависит от национального контекста принимающего общества. Анализ армянских общин в США и России подтверждает, что степень институционализации и способность влиять на государственную политику определяются не только численностью и экономическим потенциалом, но и структурой политической системы, историческими предпосылками формирования диаспоры и возможностями легального лоббирования.

В США армянская диаспора демонстрирует высокую степень институционализации, что обусловлено благоприятной средой для этнических лобби в многопартийной демократической системе. Создание структур вроде ANCA и AAA позволило диаспоре влиять не только на миграционное законодательство, но и на внешнюю политику США в отношении Армении. Уникальность американской модели — в способности преодолеть фрагментированность и консолидировать усилия для достижения общих целей, таких как признание Геноцида армян в 2019 году — результата многолетней системной работы.

В России армянская диаспора, несмотря на численность, действует преимущественно

через косвенные механизмы. САР, являясь ключевой координирующей структурой, фокусируется на сохранении идентичности, социальной поддержке и укреплении двусторонних связей, но ограниченные возможности официального лоббирования на федеральном уровне препятствуют её превращению в полноценного политического актора. Членство Армении в ЕАЭС упростило миграционные процедуры, однако не создало новых институциональных каналов влияния — кроме роста численности диаспоры.

Теоретический вклад исследования — в подтверждении гипотезы: диаспора как социальный институт адаптирует свои стратегии к контексту принимающего общества, используя прямые и косвенные методы влияния на миграционную политику.

Практическая ценность — в выявлении условий, при которых диаспоры трансформируются из объектов миграционной политики в её активные субъекты. Ключевым фактором выступает наличие легитимных институциональных каналов для лоббирования, что коррелирует со степенью внутренней консолидации и способностью преодолевать фрагментацию. Не менее важен исторический контекст формирования диаспоры, определяющий её организационные особенности и способность выстраивать диалог с принимающим обществом в русле национальных интересов. Выявленная взаимосвязь этих параметров формирует теоретико-методологическую основу для сравнительного анализа диаспор в разных национальных контекстах и позволяет прогнозировать их потенциал как политических акторов в сфере миграционного управления.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением трансформации диаспор в условиях глобальных миграционных кризисов, анализом влияния цифровых технологий на транснациональные связи диаспор и исследованием эволюции диаспоральных структур в условиях меняющейся геополитической ситуации. Особый интерес представляет изучение взаимодействия диаспор с институтами гражданского общества в различных политических системах и выявление условий, при которых диаспора может трансформироваться из объекта миграционной политики в её субъект.

Библиография

1. Бойсариев, М. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Общество и инновации. 2020. № 1(1/s). С. 106-122.
2. Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 50-57. EDN: CQWVMV
3. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М.: Наука, 2009. 412 с. EDN: OYIGJA
4. Дятлов, В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8. EDN: UKWWEL
5. Ли, К. Г. Корейская диаспора в мировом контексте // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. [б. п.].
6. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с. EDN: RAOEBN
7. Sheffer, G. Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 192-199.
8. Тощенко, Ж. Т., Чаптыкова, Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33-42. EDN: RAOHTR
9. Арутюнов, С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74-78. EDN: SJOEZJ

10. Дятлов, В. И., Мелконян, Э. Л. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с. EDN: QPSXPR
11. Троицкий, М. А. Конгресс и политика США в отношении Армении // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 4 (568). С. 90-105. EDN: YPJHNT
12. Zarifian, J. The Armenian-American Lobby and Its Impact on U.S. Foreign Policy // Society. 2014. Vol. 51, № 5. P. 503-512.
13. Мхитарян, С. Х. Роль Армянской диаспоры США в формировании армяно-американских отношений и обеспечении общенациональных интересов // Historical bulletin. 2024. № 7. С. 27-33. DOI: 10.58224/2658-5685.2024-7-5-27-33 EDN: BAFEVV
14. Мкртчян, Т. Г. Численность и география расселения армянской диаспоры в контексте миграционной политики Соединённых Штатов Америки (1960–1990-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 139-145. EDN: QADWGR
15. Machowska, M. Los Angeles: The Capital of the Armenian Immigrant Community in the Twenty-First Century // Migration Studies – Review of Polish Diaspora. 2021. Vol. XLVII, № 3. P. 57-78.
16. Sarkisyan, A. Connections and Disconnections in the Armenian Transnation [Электронный ресурс] // LISA e-journal. 2024. Vol. 22, № 57. URL: <https://journals.openedition.org/lisa/15816> (дата обращения: 01.09.2025).
17. Российские армяне. Этносоциологическое исследование / Ю. В. Арутюнян, Е. М. Арутюнова, А. Д. Коростелев [и др.]. Ереван: ГИТУТЮН НАН РА, 2016. 302 с. EDN: WYIYBP
18. Осадчая, Г. И., Юдина, Т. Н. Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 4. С. 602-615. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615 EDN: VXNEGO
19. Стрельченко, С. В. Социально-экономическая роль диаспоры в наше время // ЭКО. 2006. № 3 (381). С. 158-169. EDN: HTXGXL
20. Осадчая, Г. И., Киреев, Е. Ю., Вартанова, М. Л., Рославцева, М. В. Социальная сплочённость армянской диаспоры в России: теория и практика измерения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 2. С. 87-104. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9030 EDN: PDVJJB

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают институциональные механизмы влияния армянской диаспоры на миграционные процессы и социально-политическую среду в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки, определяемые различиями в их организационных структурах и стратегиях взаимодействия с принимающими обществами. Научная актуальность работы обусловлена необходимостью социологического осмысления роли этнических диаспор как транснациональных акторов, влияющих на миграционную политику и межгосударственные отношения в условиях глобальной мобильности населения и геополитических изменений. Практическая значимость заключается в выявлении условий, способствующих трансформации диаспор из объектов миграционной политики в ее активных субъектов, что может быть использовано для разработки рекомендаций по интеграции этнических общин и укреплению транснациональных связей. В авторском описании методологии можно обнаружить некоторые странности. Так, автор говорит о том, что он одновременно

«применяет примордиалистский, конструктивистский и институциональный социологические подходы». Опустим пока неуместность слова «социологический» в данном контексте. Попробуем себе представить, как можно одновременно применять примордиалистский и конструктивистский подходы (были не слишком удачные попытки сочетания этих двух кардинально противоположных подходов, но чтобы применять их одновременно...) Это как? Нация (или в данном контексте этнос) одновременно является вечной, врожденной, естественной и неизменной характеристикой, и при этом она же социально сконструированная и достаточно изменчивая характеристика? Автор статьи действительно не видит здесь проблемы? По крайней мере, этот вопрос нуждается в прояснении. А автор невозмутимо перечисляет взаимоисключающие подходы, не считая нужным что-то объяснять. Кроме того, что означает «институциональный» в данном контексте? Перечисление «примордиалистский, конструктивистский и институциональный» имеет ту же логику, что и перечисление «мальчики, девочки и баян». То есть, теоретически, их всех можно подружить между собой, устроив дискотеку, но на практике характеристики у них у всех слишком разные, чтобы перечислять их в одном логическом ряду. Эти и другие огрехи в описании методологии (например, зачем дважды повторяется некий методологический мутант «сравнительно-аналитический метод»? причём, в первый раз он вообще упоминается «в русле институционального подхода» – а без этого «русла» компаративный метод не применяется?) вынуждают подозревать недостаточную методологическую компетентность автора. И это подозрение подтверждается анализом последующего текста. Оказывается, странное сочетание примордиализма и конструктивизма понадобилось автору только для... Да ни для чего оно ему не понадобилось! Рассмотреть аргументы некоторых представителей примордиализма, после чего добавить (не синтезировать!) описание взглядов представителей конструктивизма, и на этой основе сформулировать типичное примордиалистское определение диаспоры не означает «применить примордиалистский, конструктивистский и институциональный социологические подходы». Это означает только изложить вне всякой методологической связи между собой взгляды представителей противоположных концепций. Которые не играют в работе практически никакой роли. На самом деле рецензируемая работа опирается на институциональный подход, который позволил рассматривать армянскую диаспору не как этническую общность, а как структурированный социальный институт с формализованными механизмами влияния на политические процессы. Соответственно, основными методами выступил институциональный, а также компаративный в контексте case study (сравнительный анализ двух кейсов – США и России), направленный на выявление различий в организационных структурах диаспоры и стратегиях воздействия на миграционную политику принимающих государств. Для контекстуализации современного состояния диаспоральных структур применялся историко-генетический метод, который позволил проследить эволюцию армянских общин от момента их формирования (геноцид 1915 года, советские миграции) до современных институционализированных форм организации. Эмпирическая база исследования сформирована через анализ вторичных источников: официальных документов диаспоральных организаций (отчеты ANCA, AAA, CAP), законодательных актов США и России в сфере миграции, статистических данных о численности и активности армянских общин, а также научных публикаций по теории диаспор. Отсутствие первичных эмпирических данных (интервью, опросы) ограничивает исследование рамками структурно-функционального анализа без углубления в мотивацию и восприятие участников диаспоральных процессов. То есть, читатель имеет перед собой вполне неплохую работу, в которой полностью нарушено описание использованной методологии. Имеется в работе и некоторая новизна. Прежде всего, по результатам исследования установлено, что эффективность диаспоры как субъекта

миграционной политики определяется не столько численностью и экономическими ресурсами, сколько структурными особенностями политической системы принимающей страны и возможностями легитимного лоббирования. Показана роль исторических условий формирования общин (геноцид 1915 года, распад СССР) в определении организационных стратегий и потенциала диаспоры в разных национальных контекстах. Кроме того, выявлена дифференциация механизмов влияния диаспор: в США преобладают прямые институционализированные формы воздействия через лоббистские структуры, в России — косвенные механизмы через культурно-экономическое взаимодействие и использование интеграционных объединений. Установлена зависимость степени влияния диаспоры не столько от численности, сколько от возможностей политической системы принимающей страны и легитимности инструментов лоббизма. Наконец, определен комплекс взаимосвязанных условий трансформации диаспор из объектов в субъекты миграционной политики: наличие легитимных институциональных каналов лоббирования, внутренняя консолидация сообщества и соответствие диаспоральных интересов национальным приоритетам принимающего государства. В структурном плане рецензируемая работа производит не очень положительное впечатление. Как говорилось выше, совершенно непонятны причины противопоставления примордиализма конструктивизму в разделе «Теоретические аспекты понятия "диаспора"». Зачем это здесь вообще? Почему просто не концептуализировать понятие диаспоры, не вдаваясь в эту дискуссию? Ни текст в целом, ни авторская методология совершенно ничего не потеряют, если нигде вообще не будет упоминаться ни примордиализм, ни конструктивизм. Они не играют никакой концептуальной роли в анализе. Если конструктивизм ещё как-то можно увидеть в том институциональном анализе, который проводит автор, то примордиализм здесь вообще только ради красного словца. Автор даже не понимает, что его попытка представить диаспору как социальный институт никак не связана с примордиализмом. И с этим надо что-то делать. В таком виде публиковать текст нельзя. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность изучения диаспор как транснациональных акторов и формулируется цель сравнительного анализа армянских общин в США и России; - «Методология исследования», где описывается крайне эклектичный подход, который автор пытался сконструировать для анализа; - «Теоретические аспекты понятия "диаспора"», где анализируется эволюция понятия «диаспора» от классического до современного понимания и обосновывается выбор институционального подхода для исследования; - «Армянская диаспора в США», где исследуются механизмы влияния через лоббистские организации ANCA и AAA, их роль в принятии политических решений и особенности федерального и регионального воздействия; - «Армянская диаспора в Российской Федерации», где рассматривается деятельность Союза Армян России, влияние членства Армении в ЕАЭС на миграционные процессы и ограничения институционализации диаспоры; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, синтезируются его результаты и формулируются выводы об условиях эффективности диаспор как политических акторов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический, хотя и далеко небезупречный. В тексте встречается достаточно большое количество стилистических (например, злоупотребление канцеляризмами и плеоназмами «на сегодняшний день», «что обусловлено», «армяне также и сами внесли»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Было обусловлено рядом крупных политических событий...», «Армянская диаспора в Соединенных Штатах Америки отличаются...», «...В качестве социального института, способного оказывают влияние на...»; или неверная расстановка знаков препинания в предложениях «Задача состоит в том. чтобы показать как...»; или банальные опечатки «различных по совей национальности»,

«примордиалистский» и др.) погрешностей, хотя в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за исключением упомянутых примордиализма и конструктивизма) использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе противоречий между примордиалистским и конструктивистским подходами к пониманию этничности. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих оптимистично смотреть на её публикационные перспективы, можно упомянуть, прежде всего, солидную эмпирическую базу с конкретными количественными данными о деятельности диаспоральных организаций: указаны точные цифры лоббистских контактов ANCA (более 300 конгрессменов и сенаторов), объемы финансирования политических кампаний (более \$5 миллионов в период 2015–2020 гг.), результаты голосований по резолюциям (405 голосов «за» при 11 «против» по признанию геноцида), демографические показатели расселения армян в различных регионах США, что значительно повышает достоверность выводов и демонстрирует серьезную источниковедческую работу автора. Кроме того, обращает на себя внимание четкая структурированность сравнительного анализа с последовательным рассмотрением институциональных механизмов влияния диаспоры в двух принципиально разных политических контекстах, что позволяет выявить зависимость эффективности диаспоральных стратегий от особенностей политических систем принимающих стран и создает основу для теоретических обобщений о факторах трансформации диаспор из объектов в субъекты миграционной политики. Однако странности с методологией, а также значительное количество стилистических и грамматических ошибок вынуждают рецензента рекомендовать статью к доработке.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для социологов, политологов, специалистов в области миграционных процессов, по этническим и диаспоральным исследованиям, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Работа также представляет ценность для практиков государственного управления, занимающихся вопросами миграционной политики и интеграции этнических сообществ, а также для представителей диаспоральных организаций, заинтересованных в изучении опыта институционализации влияния в различных политических контекстах. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является институциональная роль диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системного, институционального, компаративного и историко-генетического подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, исторический метод, метод сравнения, метод анализа (научной литературы, документов и данных).

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современном обществе, которое

является мультикультурным, особую роль и значение имеют национальные диаспоры, которые локализованы в различных государствах. Многие из них, например, армянские диаспоры в различных странах, оказывают существенное влияние на различные процессы и систему отношений, складывающихся в обществе, как на внутригосударственном, так и на внешнем, межгосударственном, уровне. В этом контексте исследование институциональной роли диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении в рамках системного подхода по авторской методике исследования, направленного на изучение институциональной роли диаспор в миграционной системе на примере армянской диаспоры в США и Российской Федерации, а также анализе и описании полученных результатов.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также авторским анализом и описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, лишь частично выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, поскольку некоторые важные структурные элементы в ней представлены не полностью, либо отсутствуют. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, методология исследования, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет описанные в ходе исследования основные характеристики, особенности, роль и значение армянской диаспоры в США и в Российской Федерации.

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперидические издания, а также электронный ресурс.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты понимания термина «диаспора», а также особенности и основные характеристики армянской диаспоры, в том числе в России и в США. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования, которые представлены в заключении. В частности, отмечается, что уровень влияния армянской диаспоры на различные процессы во внутренней и внешней политике США и России, зависит не только от количественного состава, бизнес-ресурсов, деловых возможностей, но и от таких факторов, которые определяются «структурой политической системы, историческими предпосылками формирования диаспоры и возможностями легального лоббирования», что проанализировано и описано в рукописи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, социологами, политологами, антропологами, этнологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно было бы особое внимание уделить обзору научной литературы по заявленной теме, а не только изложению теоретических аспектов понятия «диаспора». Методология исследования представлена кратким описанием примененных в ходе исследования теоретических подходов, возможно, стоило бы более подробно описать непосредственно методы исследования, а также материалы исследования. В тексте рукописи упоминаются

«ключевые диаспоральные организации (ANCA, AAA, CAP)», однако, необходимо было бы представить их полные названия и краткие характеристики. Результаты исследования стоило бы описать более четко, может быть, стоило бы провести сравнительный анализ армянской диаспоры в США и в Российской Федерации, представить это наглядно, например, в табличной форме. Выводы по проведенному исследованию, возможно, нужно было бы сформулировать более ёмко и содержательно, отдельно от заключения. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной значимости и, как отмечено в заключении, «практической ценности» самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и внести соответствующие уточнения и дополнения в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.